

Глава 1

В университетском колледже Лондона есть кабинет, о существовании которого мало кто догадывается, потому что путь к нему лежит вниз по лестнице, которой почти никто не пользуется: вдоль по заброшенному коридору, через два пожарных выхода, которые заканчиваются вроде как тупиком. Шторы в кабинете задернуты наглухо и навечно, поэтому тут царит полумрак; впрочем, света достаточно, чтобы различить дубовый письменный стол, кожаное кресло, застекленный шкаф и полки, прогибающиеся под тяжестью папок, документов и справочников. На стене позади стола висит оправленное в рамку фото пожилого мужчины, который сидит в тенистом саду и читает захватанный экземпляр «Чумы» Камю. Мужчина облачен в твидовый костюм от «Харрис», на носу у него очки в стальной оправе, а на запястьях поблескивают ролексы 50-х годов. Тщательно расчесанные волосы разделены на прямой пробор. Лицо у него доброе.

Портрет прекрасно вписывается в интерьер — или интерьер подобран под стиль портрета.

За столом сидит и проверяет сочинения профессор Юстасия Амелия Роуз, глава кафедры токсикологи растений Университетского колледжа Лондона — то есть я. Уже девять месяцев прошло с момента, как я вышла из продлившегося целый год отпуска, но мне до сих приходится туго. Временами я страстно тоскую по одиночеству, которым наслаждалась весь этот год, и по возможности делать то, что мне по душе: заниматься научными исследованиями, позабыв о бессмысленном бюрократизме, крючкотворстве и назойливых пересудах. А потом эту спокойную полноту бытия у меня отняли. Не люблю распространяться о тогдашних трагических событиях, достаточно сказать, что в тот год я потеряла нечто ценное. Нечто незаменимое.

И все же я благодарна за возможность вернуться в стены университета, где рождаются идеи и вдохновение. Я даже постепенно набираюсь смелости общаться с коллегами, и хотя с преподаванием у меня теперь все обстоит иначе, нежели год назад, я получаю определенное удовольствие от работы с нынешним курсом (а это огромная толпа студентов). Мне сорок пять, и я осознаю, что университет дал мне второй шанс, позволив возобновить научную карьеру с того места, где она прервалась. Я осознаю, какая это огромная привилегия, и пусть только кто-нибудь или что-нибудь попробует снова встать на моем пути.

Я закончила проверять последнее сочинение, сняла очки, включила настольную лампу и отчаянно заморгала — таким ярким оказался ее свет в незаметно наступившей темноте. Теперь стало понятно, почему у меня от напряжения горят глаза и почему в здании царит полнейшая тишина. Я сверилась с ролексами на запястье, они показывали одиннадцать вечера. Тихонько присвистнув, я собрала пожитки и уложи-

ла их в сумку, но, прежде чем уйти, задержалась перед фотографией на стене — стекло отразило тот же твидовый костюм от «Харрис», те же очки в стальной оправе и короткие, аккуратно расчесанные на пробор волосы, что и у мужчины на фото. Я легонько постучала по стеклу рядом с его головой и сказала:

— Спокойной ночи, отец. Увидимся завтра.

Вступив в главный вестибюль университета, я заметила у выхода какого-то неприкаянного студента и сразу поняла, кто это — тот самый нетерпеливый аспирант, встречи с которым я избегала как могла последние несколько месяцев. У меня всегда было плохо с именами, так что со временем я разработала собственную методику: стала давать людям имена похожих на них растений. Этот молодчик заработал себе прозвище еще на последнем курсе. Я назвала его Борщевиком (на латыни *Heraclеum mantegazzianum*), в честь высоченного раскидистого растения, в чьих листьях содержится фототоксичный сок, который при попадании на кожу вызывает фитодерматит, волдыри и в итоге может даже оставить шрамы. Борщевик заслужил свое прозвище не только благодаря невероятному росту, огромным лапшицам и красному, покрытому сыпью, лицу, но и талантом раздражать меня до ощущения физической боли — по крайней мере, до мигрени он доводил меня уже не раз. Понятия не имела, кого он поджидает, но заподозрила, что именно меня, учитывая упорство, с которым он искал встречи, и тщательность, с которой я этих встреч избегала. Я тихонько застонала, нырнула за колонну и осторожно выглянула.

Обычно я старалась не задерживаться взглядом на его лице, но сегодня он выглядел как-то особенно странно. Это учитывая слишком короткие для его длинных ног штаны, куртку на несколько размеров меньше нужного, шерстяную шапку горчичного цвета, ужасно сочетающуюся с покрытым

пятнами лицом, и огромные наушники, в которых голова казалась неестественно маленькой. Я не могла сказать, в чем состоит эта новая странность, но что-то в его облике явно изменилось. Он мерил вестибюль нетерпеливыми шагами, и я, выждав момент, когда он повернулся ко мне спиной, развернулась на каблуках и двинулась было к служебному выходу.

Только вот отполированный пол вестибюля сыграл со мной дурную шутку, и скрип каблуков эхом разнесся по пустынно-му пространству. Через плечо я заметила, что Борщевик сдернул с головы наушники и развернулся в мою сторону.

— Проф?

Ясное дело, после того, как он меня заметил, не было смысла скрываться через служебный выход, поэтому я со всей возможной скоростью направилась к главным дверям. Бесплезно — с такой разницей в длине шага, как у нас, Борщевик догнал меня в мгновение ока.

— Есть время перекинуться парой слов?

Тонкий, неестественный звук, похожий на скрип ножа по тарелке, донесся из его наушников, и у меня от него аж зубы занули, но я продолжала спешно шагать к дверям, не сбавляя скорости.

— Не сейчас, я и так опаздываю.

Понятное дело, я соврала.

— А куда вы идете?

— Мне нужно в лабораторию.

Еще одна ложь.

— Тогда я с вами.

— Не стоит. Мне нужно кое-что оттуда взять и убежать.

Я опаздываю.

— Куда?

— Прошу прощения?

— Куда вы опаздываете?

Я замерла, растерявшись.

— Это не твое дело.

Будь у меня возможность поразмыслить логически, я бы не побежала вверх по пустой лестнице в глубину безлюдного здания в ситуации, когда мне в спину дышит подозрительный тип. Мне бы стоило выбежать наружу, в гущу людей, у которых можно попросить помощи. Но что-то в облике Борщевика сегодня тревожило меня и лишало ясности мысли.

Я добежала до этажа, где располагалась моя лаборатория, толкнула дверь и, запыхавшись от усилий, побежала по коридору. Вскоре уже оказалась у входа в лабораторию, но не успела вынуть из кармана шнурок с пропуском, как передо мной возник Борщевик. Он схватил меня за запястье огромной рукой и стиснул пальцы.

Мне было очень больно, но я не собиралась признаваться. Борщевик уже не раз позволял себе подобное, и не только в отношении меня: многие в университете жаловались на его агрессивное поведение. Научный руководитель много раз предупреждал Борщевика, что за подобные выходки его могут исключить из университета, и в конце концов отказалась от работы с ним.

— Отпусти мою руку, — потребовала я, но его хватка стала только сильнее.

— Проф, я с вами рехнусь. Вы не хотите со мной поговорить, не желаете слушать. Но мне не нужен доступ ко всей вашей коллекции, я отказался от этой идеи несколько месяцев назад. Мне всего-то нужно десять образцов. Десять черенков, и все.

Я громко вздохнула.

— Я уже не раз говорила тебе, что это невозможно.

Он пристально уставился на меня.

— А я не раз говорил вам, что об этом никто не узнает.

— Пусти меня! — повторила я более настойчиво.

— Ну ладно, ладно — восемь черенков. Мне придется переписать одну главу в диссертации, но восьми должно хватить.

Я закрыла глаза.

— В сотый раз повторяю — у меня нет растений, от которых ты можешь отрезать черенки, и ты сам прекрасно знаешь. Я твержу это не первый месяц. И не раз говорила, что тебе придется сменить тему диссертации. Вот и займись этим, придумай новую.

Борщевик глубоко вдохнул и заговорил, понизив голос, почти угрожающе:

— Вы — мой научный руководитель. Помогать мне — ваша обязанность.

— Но я не твой научный руководитель.

— Ну, неофициальный.

— Ничего подобного.

— Но вы единственная, кто может мне помочь! — рявкнул он, дернув мою руку вверх. — Вы единственный преподаватель в этом университете, кто имел дело с убийством с помощью растительного яда.

И тут мне бы стоило испугаться — дикого взгляда Борщевика, его непредсказуемости, — но вместо этого меня объел гнев, даже ярость от осознания того, что он всего лишь схватил меня одной своей огромной рукой и я стала совершенно беспомощной.

— Как уже много раз объясняла, я не могу тебе помочь и поэтому предлагаю перевестись в другой университет. — Я старалась говорить спокойно. — Имперский колледж и Королевский колледж предоставляют широкий круг специальностей, подай заявку в один из них.

— Я подавал, в прошлом году... меня не приняли.

— Тогда тебе стоит подумать о новой теме диссертации и подать на другой специалитет.

Я взглянула Борщевiku в лицо — он явно ждал от меня другого ответа. Его выдающееся адамово яблоко ходило ходуном, ноздри раздувались, зубы скрежетали, он тяжело и часто дышал. И тут я поняла, что в нем изменилось, — он выглядел как готовый напасть дикий зверь.

Вдруг пискнул мой телефон. Свободной рукой я откинула клапан на сумке, и Борщевик стиснул мою руку снова.

— Не трогайте его.

Но я все равно вынула телефон.

— Я же сказала — опаздываю, меня ждут. И скорее всего уже волнуются.

Я нажала на экран, чтобы открыть сообщение: «Спокойной ночи, дорогая, сладких снов».

Телефон снова пискнул, и на экране появились три сердечка.

— Я сказал, не трогайте! — снова прорычал Борщевик, вздернув мою руку так, что я вскрикнула от боли. И уронила телефон.

Безо всякого предупреждения дверь лаборатории распахнулась, и мы, развернувшись, увидели на пороге мою ассистентку, Карлу. Я обрадовалась ее появлению, как никогда в жизни, и шумно выдохнула от облегчения. На долгий миг она замерла, вбирая взглядом меня, Борщевика и его лапу, сжимающую мое запястье, потом спокойно подтянула наверх овальную коробочку, свисавшую у нее с ремня сумки, и нажала кнопку посередине. Оглушающе-пронзительный вой сирены, заставивший меня присесть, наполнил коридор, Борщевик мгновенно отпустил мою руку и скрылся из виду, а я обхватила голову руками, зажмурила глаза и упала на колени. Карла тут же выключила сигнализацию, но ее эхо еще какое-то время металось у меня в черепной коробке.

— Простите, профессор, что не предупредила вас о сигнализации, — произнесла Карла, — но иначе не сработал бы эффект неожиданности.

Я открыла глаза и увидела, что она улыбается и протягивает мне руку, чтобы помочь встать. Проигнорировав этот жест, я подобрала телефон и поднялась на ноги. В ушах звенело.

— Это было кошмарно, — сообщила я, сдвигая очки на макушку.

— Зато помогло. Видели, с какой скоростью он исчез? — Клара передернула плечами. — Отвратительный тип, у меня от него мурашки по коже.

— Ты его знаешь?

— Мы вместе работаем над одним проектом для диссертации. Терпеть его не могу. И у всего университета он поперек горла, ужасный грубиян, вы в курсе? Постоянно ищет с кем бы сцепиться, он из тех людей, кто считает, что на него ополчился весь мир. Бесят подобные личности.

Что ж, приятно узнать, что не меня одну Борщевик раздражает настолько сильно. Хотя нет. На самом деле я ощутила... разочарование.

— А с тех пор, как он начал варить наркотики, все стало еще хуже, — добавила Карла. — Но с ним все было понятно еще до того, как он занялся производством запрещенных веществ, а теперь перешел все границы. Я бы на вашем месте с ним не связывалась.

— Легко сказать, — пробормотала я, вытирая лицо платком.

— Вы в порядке? Голова не кружится?

— Все нормально.

— Вы же понимаете, что должны написать на него заявление о нападении? Его должны исключить.

АДСКИЕ КОЛОКОЛА

— Наверно, ты права, — сказала я без особой уверенности. — Если ты тоже уходишь, не против, если мы выйдем вместе?

— Совершенно не против. Вам что-то нужно захватить из лаборатории?

— Не сейчас.

Карла щелкнула выключателем и закрыла дверь.

— Если хотите, я посажу вас на автобус, — добавила она, подхватывая меня под локоть, словно немощную старушку.

— Ценю твою помощь, — отозвалась я, высвобождая локоть.

— Мне несложно. Хотя Аарон явно уже далеко отсюда.

Аарон — так, значит, зовут Борщевика. Мне стоило хотя бы раз поинтересоваться этим. Возможно, если бы я обратилась к нему по имени, он выказывал бы мне побольше уважения. Но это не точно.